

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.01>

Л.У. Тариева

Ингушский государственный университет

УСЛОВИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛИЦА ГОВОРЯЩЕГО В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи состоит в необходимости интерпретации исходного способа локализации эгоцентрических компонентов парадигмы лица (речевых и аффективных лиц) в лингвопрагматической установке эргативного языка и в анализе структурной организации этой установки. Ныне существующая система ориентационных значений и значений перемещения может быть дополнена исследованием прагматической ситуации, в которой изначально локализовалось лицо Говорящее эргативного языка. Научная новизна избранной темы состоит в том, что прототипическая лингвопрагматическая установка должна быть исследована в любом естественном языке с точки зрения пресуппозитивного размещения в ней речедеятеля. Речевой эгоцентрик лицо Говорящее как эгоцентрическая категория закреплен за языковым знаком личным местоимением первого лица ед. числа в номинативном падеже имени в языках различных стратегий. На более глубинном (понятийном) уровне лицо Говорящее в номинативном и эргативном языках представляет одинакового антропоцентрика, или логического субъекта. Интерес представляет тот факт, что в эргативных языках (языках одного ареала с русским языком) два речевых лица, выраженных различными личными местоимениями первого лица ед. числа, а в номинативных – только одно. Одно речевое лицо (Говорящее) со статусом первое номинативного языка размещается в единой прототипической лингвопрагматической ситуации. Два речевых лица (Говорящее и Произносящее) со статусом первое эргативных языков располагаются в двух различных пресуппозитивных прагматических установках. Результаты, полученные посредством исследования условий

локализации лиц парадигмы нахского языка, должны обосновать запуск механизма ориентационных значений и значений перемещения, непосредственно зависящих от прототипических условий локализации локутора.

Ключевые слова: лингвопрагматическая установка; компоненты установки; лица парадигмы; речевые лица, аффективные лица; условия локализации; воссар 'локализация'; дIа-хъа 'ориентация'; хъар 'движение'.

UDC 81.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.01>

L.U. Tarieva

Ingush State University

CONDITIONS FOR THE FACE OF THE SPEAKER IN THE NAKH LANGUAGE

The purpose of the article is to interpret the initial method of localizing the egocentric components of the facial paradigm (speech and affective persons) in the linguo-pragmatic attitude of the ergative language and in the analysis of the structural organization of this attitude. The currently existing system of orientational meanings and meanings of displacement can be supplemented by the study of the pragmatic situation in which the speaker of the ergative language was originally localized. The scientific novelty of the chosen topic lies in the fact that the prototypical linguo-pragmatic attitude must be investigated in any natural language from the point of view of the presuppositive placement of the speaker in it. Speech egocentric person Speaking as an egocentric category is assigned to a linguistic sign by the personal pronoun of the first person unit. numbers in the nominative case of a name in languages of various strategies. At a deeper (conceptual) level, the person speaking in the nominative and ergative languages represents the same anthropocentric, or logical subject. Of interest is the fact that in ergative languages (languages of the same area with the Russian language), two speech faces, expressed by different personal pronouns of the first person sing. numbers, and in the nominative - only one. One speech person (Speaker) with the status of the first nominative language is placed in a single prototypical

linguopragmatic situation. Two speech persons (Speaker and Utterer) with the status of the first of ergative languages are located in two different presupposive pragmatic attitudes. The results obtained by studying the conditions of localization of persons in the paradigm of the Nakh language should justify the launch of the mechanism of orientation values and displacement values that directly depend on the prototypical conditions of localization of the locator.

Keywords: linguistic pragmatic attitude, installation components, the face of the paradigm, speech persons, affective persons, localization conditions, vosar 'localization', dla-hya "orientation", hjar "movement"

Введение

В естественных языках наряду с грамматическими падежами выделяются и местные падежи, связанные с локализацией лица Говорящего. Проблема исследования локативных значений северокавказских языков была и остается одной из важных, не до конца разработанных проблем эргативных языков (языков билингвального ареала). Речь, представляющая стратегически различные языки, прагматична и реализуется в хронотопе (местовремени), поэтому должна быть исследована прототипическая прагматическая ситуация, в которой пресуппозитивно заявлен Говорящий.

Материалы и методы

Актуальность избранной для анализа темы, заключается и в том, что запуск механизма локализации в эргативном языке, связанный с пресуппозитивной лингвопрагматической ситуацией, в которой «в origo 'в начале'» размещен Говорящий (Тариева, 2017, с. 111-115), не исследован с точки зрения прототипической локации.

Наборы локативных значений, которые Е.А. Кибрик выделил в качестве исходных для восточнокавказских дагестанских языков: ориентирующие и двигательные значения (Кибрик, 1970, с. 14), на наш взгляд, должны быть дополнены релевантными для эргативных языков прототипическими эссивными значениями, связанными с точкой локации эгоцентрических лиц парадигмы со статусом первые (Тариева, 2017, с.140).

Основная задача статьи заключается в интерпретации

структуры и условий локализации расслоено представленного лица парадигмы (Говорящего, распознаваемого Созерцающим и Произносящего, узнаваемого лицом Слышащим) в точке *a* 'пространства', в которой лицо «впервые» обнаруживается.

Основным методом исследования размещения лиц парадигмы в точке их пресуппозитивной локации является антропоцентрический, связанный с лингвоцентрическим, применяется также описательный способ и техника компонентного анализа.

Пресуппозитивная точка локации лица Говорящего должна быть всесторонне (структурно и содержательно, а также на глубинном семантическом и глубинном антропоцентрическом уровнях) интерпретирована как необходимое условие для запуска механизма ориентационных и двигательных значений.

Теоретической базой исследования локализации лица явились труды отдельных лингвистов отечественного языкознания, прямо или опосредованно связанные с понятиями ориентации и перемещения (А.Е. Кибрик (1970, 2005), Г.А. Климов (1983, 1974), Е.А. Бокарев (1948), Я.Г. Тестелец, В.А. Плунгян (1999, 2010), Е.В. Падучевой (2017,) и др.), включая и работы находоведов (Л.У. Тариева (2017, 2020, 2021), Н.Ф. Яковлев (2000) и др.), которые связывали эти отношения с именными группами.

Практическая значимость исследования прототипических условий локализации лиц парадигмы заключается в том, что по грамматическому падежу, представляющему одно из лиц со статусом первое, возможно определить его место в такой эссивной точке, как прототипическая лингвопрагматическая ситуация эргативного языка. Таким образом возможно проследить поступательность в представлении локативных, ориентационных и двигательных значений в эргативном языке в его сопоставлении с номинативным.

Результаты и обсуждение

Я.Г. Тестелец указывал на тот факт, что разработанная Е. А. Кибриком система значений является настолько универсальной, что до настоящего времени не нуждается в существенных поправках (только к «ориентирующим значениям», пишет автор, мы бы добавили «в полном контакте с ориентиром» и «в типичном положении относительно ориентира») (Тестелец.

Рукопись).

Е.А. Кибрик, исследовавший падежи с пространственным значением и способы их структурной организации в 23 дагестанских языках, указал на «два множества морфем из которых одно выражает ориентирующее, а второе – двигательное значение» (Кибрик, 1970, с. 113). Чтобы запустить механизм выделения значений, указанных автором, в нахском языке, на наш взгляд, прежде всего, необходимо исследование и обоснование механизма локализации лица Говорящего, как эвиденциально представленного эгоцентрического компонента парадигмы лица (Тариева, 2017, с. 137-140). Возможность аргументирования механизма размещения лица Говорящего эргативных языков в эссивной точке *a* 'пространства' увязывается нами с тезисом В.А. Плунгяна о том, что «Системы локализации в естественных языках весьма разнообразны и могут выражать очень тонкие различия...» (Плунгян, 2010, с. 175).

Лицо Говорящее, как эгоцентрик представляющее *со* 'эго' в прототипической прагматической ситуации, относится к речевому лицу парадигмы *vs.* другому речевому эгоцентрику лицу Произносящему (инг. *аз* 'эго'), Локализация компонентов парадигмы лица (Тариева, 2017, с. 39; Тариева, 2017, с. 140-141), знаковых, на наш взгляд, и для нахско-дагестанских языков, есть основное исходное условие для запуска механизма ориентирующих и двигательных значений эргативных языков.

В эргативном языке локативная (локализирующая) область знания представлена специфическими аффиксами. Аффиксы с локативной семантикой ингушского языка исторически обусловлены базовой категорией, отраженной в данном нахском языке в лексеме *со* знаковым значением *a* 'пространство' (и в наречии: *a* 'в пространстве'). Пространство в ингушском языке обозначается так же, как в шумерском долгим звуком [ā] (сравните: инг. сущ. *ā* 'пространство', нареч. *ā* 'в пространстве' и шумерское: «=áa, á, áka, ám: ... (пространство, длина, ...)» (Гудава). Автономное слово ингушского языка *a* 'пространство' (нареч. *a* 'в пространстве') исторически экстрагировало в аффиксоид (Тариева, 2017, с. 154-159), и трансформировалось в союзное средство *a* 'и' (Тариева, 2020, с. 235, 237, 248).

Понятие *a* 'пространство' как сущностная категория

когнитивно маркируется ингушским сознанием в качестве релевантной, прежде всего, потому, что размещенным в нем обнаруживает (осознает) себя в *oḡigo* 'в начале' расслоено представленное речевое лицо Говорящее:

1. *Со-в-а-хIанз* 'Я мужчина в пространстве теперь' vs. *Со-й-а-хIанз* 'Я женщина в пространстве теперь' (чеч. *Со в у хIинц* 'Я мужчина тут теперь' vs. *Со й у хIинц* 'Я женщина тут теперь').

2. *У-кх-аз-а-хIанз* 'Тут еще я в пространстве теперь' (чеч. *Кх-у-за* 'Еще тут я', бацб. *Окхус* 'Он (этот) еще тут').

В русском номинативном языке двум пресуппозитивным лингвопрагматическим установкам эргативного ингушского языка противопоставлена одна ситуация, в центре которой локализуется нерасслоенно представленная функция лица Говорящего:

3. *Я-здесь-сейчас*.

Прототипическая прагматическая установка западных номинативных языков, исследованная Дж. Лайонзом, кодирует локализованное во времени и пространстве лицо Говорящее в диалогическом режиме (Лайонз, 1978, с. 636-637, 647), когда в одной ситуации присутствует локутор (Говорящий и Слушающий). В ингушском языке лингвопрагматическая ситуация (примеры 1-2) кодирует различные первые лица (*со* 'я' и *аз* 'я'), названные нами речевыми, исходя из их функции на различных уровнях структуры этого языка. Каждое из речевых лиц: номинативное (инг. *со* 'я') и эргативное (инг. *аз* 'я') размещается в своей персональной установке с закадровыми аффективными лицами, кореферентными речевым лицам (Тариева, 2017, с. 17-19).

Лингвопрагматические установки языков различных стратегий (примеры 1-3) кодируют эгоцентрическое лицо Говорящее, морфологически одинаково представленное, например, в ингушском и русском языках личным местоимением первого лица единственного числа (рус. *я* 'эго', инг. *со* 'эго') в номинативной форме имени. На глубинном уровне эгоцентрик лицо Говорящее обоих языков (рус. *я*, инг. 'со') экспонирует логического субъекта *кхета саг* 'человека понимающего' (Тариева, 2020, с. 16).

Однако в эргативном ингушском языке функциональны две лингвопрагматические ситуации, пресуппозитивно локализирующие разных эгоцентриков парадигмы лица, претендующих на статус первого лица. Если в первой ситуации (пример 1) это лицо

Говорящее (*со* 'я'), реализующее антропоцентрическую категорию *кхета саг* 'человека разумного', то во второй – лицо Произносящее (*аз* 'я'), реализующее глубинную понятийную категорию *сакхета саг* 'человека-духа' (пример 2). Не случайно Н.Ф. Яковлев, исследуя синтаксис ингушского языка, акцентирует внимание на двух видах предложения как основных (указывая и на наличие аффективной конструкции) (Яковлев, с.78). Квалификация выделенных автором предложений в качестве ядерных непосредственно связана с локализацией лиц парадигмы, введенных нами в обиход лингвистического исследования (Тариева, 2017).

Локализация лица Говорящего в эссивной точке *а* 'в пространстве' (пример 1) обнаруживается благодаря запуску механизма фрейма интенциональности лица Созерцающего (Тариева, 2021, с. 357-358), располагающегося «за спиной» лица Говорящего. Запуск механизма фрейма интенциональности Созерцающего эгоцентрика, в финали своей интенции вскрывающего функцию лица Говорящего, возможен только благодаря пресуппозитивной функции *сакхета саг* 'человека-духа', локализованного во второй установке (пример 2).

Антропоцентрический подход к исследованию языковых единиц, сменивший структуралистический аспект описания языка, позволяет нам по-иному взглянуть не только на локализацию лица Говорящего в языках различных стратегий, но и на «признак-координат эргативности», о котором писал Г.А. Климов (Климов, 1974, с. 7).

Шаг в направлении антропоцентрического объяснения функции языковых единиц в свое время был сделан, в частности, в работе Ч. Филлмора, введшего понятие «глубинный падеж» (Филмор, 1968), очевидно, как «попытку» семантического (понятийного) толкования падежа.

Организация глагольной лексики ингушского языка корпусная: глагол магистральной валентностью кодирует одно из лиц парадигмы, претендующее на позицию подлежащего в составе предложения. Положение лица парадигмы, тесно связанного с глаголом, здесь согласуется с тезисом Г.А. Климова о важности «самого лексемного качества организующего их глагола» и «принципов структурной организации глагольной лексики»

(Климов, 1974, с. 7-8).

Глагольная лексика ингушского языка устроена таким образом, что в зависимости от характера эгоцентрического компонента парадигмы, на правах первой валентности занимающего нишу в семантической структуре глагола, происходит дистрибуция глаголов по различным корпусам (Тариева, 2017, с. 151, 191). Распределение ингушских глаголов по отдельным группам тесно связано с локализацией лица, обуславливающей модель предложения «динамического мира» (Плунгян, 1999).

Если речевое лицо парадигмы ингушского языка локализуется в *a* 'в пространстве' (пример 1), то свойство глагольной формы, подконтрольное магистральному актанту, локализуется в *-ча* 'в ограниченном (сегментированном) пространстве'. Наречие *ча* исторически грамматикализовалось и стало выполнять функцию аффиксоида *-ча* (Тариева, 2012, с. 65).

Исследование прототипической прагматической ситуации, в которой локализовалось речевое и аффективное лица эргативных языков, должно вскрыть, каким образом локализовавшееся лицо парадигмы обнаружено закадровым лицом Созерцающим, наряду с *a* 'пространством', воспринимаемым как фон размещения речевого лица.

Область локализации лица Говорящего эргативного ингушского и номинативного русского языков идентична тем, что представлена лексемой одного порядка (инг. *a* 'в пространстве' и рус. *здесь*).

Разница между ингушским *a* 'в пространстве' и русским *здесь* заключается в мотивированности / немотивированности локализуемого компонента лингвопрагматической ситуации (пример 3): русское *здесь*, в отличие от ингушского в *a* 'в пространстве', является исторически производным словом.

Наречие места *здесь* состоит, как нам представляется, из двух частей: *зде* 'в данном месте, тут' (vs. *езде*, т.е. повсюду) и возвратной частицы *сь* 'се'. Частица *сь* исторически возникла из автономного слова: возвратного местоимения *се* 'сам', содержащего в себе редуцированный звук *c[b]* 'ерь' (сравните со старославянским: *се аз есмь* 'сам я (дух) есть'). Получается, что в одной пресуппозитивной лингвопрагматической ситуации русского языка (пример 3) локализованы две формы лица (ист. **Я-**

зде-се-сей-час 'Я тут сам в этот час'): говорящее я 'со' и возвратное се 'сам' (из старослав. *се аз* есмь 'сам я дух есть').

Темпоральный компонент русской установки *сейчас*, соответствующий ингушскому *xlanz* 'теперь' (пример 1), также является производным, состоящим из двух языковых знаков *сей* 'этот' и *час* (время), т.е. в данный момент настоящего времени.

Ингушская бинарная установка (пример 1) представлена чрездефисным написанием в силу того, что исторически выступает как знаковое высказывание (слово-предложение) сильносинтетического строя, предшествовавшего современному эргативному ингушскому языку. В центре этого слова-предложения располагается лицо Говорящее на фоне *a* 'пространства'. В пределах предшествующего строя прототипическая прагматическая ситуация (пример 1, 2) представляла собой блок-мысль, который распался на отдельные языковые единицы в условиях перехода ингушского языка в область последующего эргативного строя.

Локализация лица Говорящего в языках различных стратегий в лингвопрагматической ситуации (пример 1, 3) невозможна без запуска механизма функции другого логического субъекта – ощущающего антропоцентрика (инг. *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующе-воспринимающего).

Обнаружение лица Говорящего ингушского языка, локализованного на фоне *a* 'пространства', в принципе, производится эгоцентрическим «лицом Созерцающим» (сравните с рус. Наблюдателем, интерпретированным Е.В. Падучевой) (Падучева, 2000), являющимся одним из операторов *хоалу саг* 'homo sentiens' (Тариева, 2017, с. 359).

Мыслительная функция лица Созерцающего (или Наблюдателя), в финале своего фрейма интенциональности обнаруживающего речевое лицо Говорящее и фон (*a* 'пространство'), в котором это речевое лицо размещено, запускается «бессознательно» в силу постулированности этой функции (Тариева, 2017, с. 61-62).

Основным условием запуска механизма интенции лица Созерцающего (оператора с эвиденциальной функцией), кореферентного Наблюдателю в русском языке, является подключение к нему функции *сакхета саг* 'человека-духа'. Без

запуска функции логического субъекта *сакхета саг* 'человека-духа', прототипически представленного в ингушском языке эргативной формой имени (*аз* 'я'), в принципе невозможна сама локализация лица Говорящего в эссивной точке *а* 'пространства' (пример 1).

Эгоцентрическое лицо Созерцающее, наблюдающее локализацию лица Говорящего и фон его размещения (пример 1), квалифицировано нами в качестве одного из модальных операторов понятийной категории: антропоцентрика постулированной семантики *хоалу саг* 'человека чувствующего' (Тариева, 2017, с. 304).

Два речевых лица (Говорящее и Произносящее), за кадром которых стоят два аффективных (Созерцающее и Слышащее), на наш взгляд, могут быть квалифицированы в терминах А.Е. Кибрика в качестве универсальной семантической сущности, отображающейся «в формальной структуре всякого естественного языка и которая является «входом» для правил, ведающих построением «базисных синтаксических структур» (Кибрик, 2005, с. 183). Базисные синтаксические структуры ингушского нахского языка непосредственно зависят от функции четырех эгоцентрических компонентов парадигмы лица, на глубинном (понятийном) уровне представляющих трех антропоцентриков, локализовавшихся в пресуппозитивной лингвопрагматической установке (Тариева, 2020, с. 14-16).

Модальный оператор лицо Созерцающее, способный мыслительно во фрейме своей интенциональности наблюдать *воссар* 'локализацию' лица Говорящего (*со* 'я') в *а* 'в пространстве', расположен за кадром лица Говорящего. Выходит, что за локализацией лица Говорящего в лингвопрагматической ситуации (пример 1) «спрятано» еще одно лицо – Созерцающее, способное эвиденциально распознавать речевое лицо, диахронически отраженное в первой лингвопрагматической ситуации. Оба лица эгоцентричны в ингушском языке, и они претендуют на статус первого лица в составе высказывания.

Грамматически антропоцентрик *хоалу саг* 'homo sentiens' со всеми своими операторами (в нашем случае – это лицо Созерцающее), представлен в ингушском языке местоимением первого лица единственного числа в аффективной (инг. *сона* 'я',

‘мне’) форме имени (Тариева, 2017, с. 305-307).

В русском языке статус локутора формально-содержательно и грамматически отличен от позиции Наблюдателя в составе предложения (Падучева 2017, Тариева, 2017, с. 16, 18, 25).

Отношения, складывающиеся между эгоцентриками ингушского языка: лицом Говорящим и лицом Созерцающим, выглядывающим из-за его кадра, на наш взгляд, можно охарактеризовать тезисом Я.Г. Тестельца «в полном контакте с ориентиром» (Тестелец, Рукопись), т.е. с локализовавшимися речевыми лицами первой и второй установки (пример 1-2). Отношения, складывающиеся между лицом Созерцающим и *a* ‘пространством’, эвиденциально воспринимаемым модальным оператором в качестве фона размещения лица Говорящего, могут быть квалифицированы и в терминах Я.Г. Тестельца как типичное положение ориентира в пространстве (Тестелец, Рукопись), точнее говоря: в эссивной точке *a* ‘пространства’ (пример 1). Релевантность лексемы *a* ‘пространство’ заключается в том, что данное слово исторически (после выхода ингушского языка из состояния сильного синтетизма), экстрагировав в аффиксоид, еще и в качестве морфоида, участвует в генерации нефинитных форм глаголов (Тариева, 2017, с.154-165).

Лицо Созерцающее с закадровой позицией, эвиденциально воспринимающее лицо Говорящее в первой бинарной прагматической ситуации (см. обе части первого примера), как эгоцентрик постулированной семантики, способно направлять «объектив» своего чувственного восприятия в разные стороны, находясь за кадром лица Говорящего, или в полном контакте с ориентиром.

Функция созерцания в ингушском языке осуществляется одним, расслоено представленным локализующимся лицом Говорящим, удачно совмещенным с функцией лица Произносящего, распознаваемого лицом Слышащим. За неоднозначными функциями лица стоят разные логические субъекты (антропоцентрики: *кхета саг* ‘homo sapiens’ vs. *хоалу саг* ‘homo sentiens’, т.е. человек ощущающий vs. *сакхета саг* ‘homo spiritus’). Локализация логического субъекта (трех антропоцентриков) как понятийной категории отражается в ингушском предложении в качестве предикативного имени

(подлежащего).

Объектив лица Созерцающего (эвиденциального оператора *хоалу саг* 'homo sentiens'), очевидно воспринимающего реалии действительности, способствует ориентации, т.е. направленности взора локализовавшегося лица Говорящего (*кхета саг* 'человека разумного') из эссивной точки *a* 'пространства' во все стороны и вокруг своей точки локации.

Разница между ориентацией «объектива» (т.е. векторным разворотом лица Созерцающего в качестве одного из операторов антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens' в ту или иную сторону пространства) и перемещением лица Говорящего по заданной ориентации такого же характера, как разница между глаголами *хъежа* 'смотреть' (направлять взор: *Со (НОМ) лакхе хъеж* 'Я вверх смотрю') и *го* 'видеть' (воспринимать очевидное: *Сона (АФФ) гу сердало* 'Я вижу свет').

А.Е. Кибрик, обозначая пучки двигательных значений, «указывает на направленность движения относительно ориентира» (Кибрик, 1970, с. 113). Точкой отсчета механизма *хъар* 'движения, перемещения' (инг. *хъа* 'двинуться, шевельнуться') в ингушском нахском языке является лингвопрагматическая установка локализации лица Говорящего в *a* 'в пространстве' (примеры 1-2). Функция же ориентации принадлежит чувствующему антропоцентрику – лицу Созерцающему, способному эвиденциально распознать параметры размещения локализуемого лица Говорящего.

Позиция антропоцентрика *хоалу саг* 'чувственно-воспринимающего человека' закадровая, но располагается он в той же эссивной точке *a* 'пространства', что и речевое лицо Говорящее, локализованное в пресуппозитивной лингвопрагматической ситуации (Тариева, 2017, с. 105-109).

Из этой установки: из-за кадра лица Говорящего, *хоалу саг* 'ощущающий человек' посредством своего оператора лица Созерцающего (или Наблюдателя в русском языке), направляет, ориентирует возможное движение речевого эгоцентрика, локализовавшегося на фоне *a* 'пространства' (пример 1-3).

Эгоцентрическое лицо Созерцающее прежде, чем перейти к ориентированию, т.е. эвиденциальному обоснованию направления *хъар* 'движения' лица Говорящего, фиксирует как

постулированное явление:

- 1) *лув юхь* 'лицо Говорящее';
- 2) *воссар* 'эссивную позицию локутора в точке *a* 'пространства' (пример 1);
- 3) *a* 'пространство' как фон размещения артикулирующего лица.

Лицо Созерцающее как мыслительная категория (или модальный оператор) из той же эссивной точки, в которой разместилось лицо Говорящее, только из закадровой (мыслительной) позиции, воспринимает параметры его размещения, задаваемые *a* 'пространством'. Я.Г. Тестелец, исследуя дагестанские языки, называет их «областями локализации» (Тестелец. Рукопись). Области локализации указывают на параметры локации речевого лица в точке «а-пространства», но обнаруживаются они эгоцентриком лицом Созерцающим, наблюдающим за локализацией основного эгоцентрика из объектива своего восприятия.

Эгоцентрическое лицо Созерцающее, как оператор антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens' (т.е. человека ощущающе-воспринимающего), представленное лингвоцентрическим знаком в аффективной форме имени (*сона* 'я'), эвиденциально ориентируя лицо Говорящее в *a* 'в пространстве', логически верно сочетается в структуре ингушского языка с послелогом, делящимися на две группы, первая из которых представляет основные параметры размещения речевого лица в эссивной точке (инг. *со волча* 'в ограниченном месте, где я есть'):

4. *Сона (AFF) т1а (SUPER)* 'Надо мной';
5. *Сона (AFF) к1ал (SUB)* 'Подо мной в тесном прикосновении';
6. *Сона (AFF) хьалха (ANTE)* 'перед ориентиром Передо мной';
7. *Сона (AFF) т1ехьа (POST)* 'За мной';
8. *Сона юхе (APUD)* 'рядом, около, без контакта с ориентиром';
9. *Сона йисте (CONT)* 'полном контакте с ориентиром';
10. *Сона улув (AD)* 'сбоку от меня';
11. *Сона (AFF) чу (IN)* 'Внутри меня'.

Примеры показывают, что основных послелогов, или граммем локализации в ингушском языке исчислимое количество, однако их полный ряд в разы больше. В свое время А.Е. Кибрик, исследуя локативные отношения дагестанских языков,

сосредоточивал внимание на содержательной стороне послелогов (Кибрик, 2070). Лексическое значение послелогов ингушского нахского языка, отождествляемых с наречиями в зависимости от позиции в составе предложения, и от отношения к компонентам предикации, онтогенетически связано с категорией движения.

Выделение параметров размещения шифтерно представленного лица указывает на функцию лица Созерцающего, способного сориентировать речевое лицо в *a* 'пространстве' (пример 1-2) и *y* 'тут' (пример 2).

Каждый из приведенных послелогов (кроме примеров 8-10) валентен аффиксиду с семантикой движения (*-хьа/ -хьа-*), возникшему непосредственно от автономного глагола движения (инг. *хьа* 'двинуться, шевельнуться'), например:

12. *Сона (AFF) чухьа* 'Внутри меня, где есть место, чтобы *хьа* 'двинуться' и

13. *Сона чухьанахьа* 'Внутри меня, где можно двинуться (черта, граница *-на*), за которой есть еще место переместиться'.

Такие морфемы-аффиксоиды как *-хьа* обуславливают возникновение в языке нелокативных значений местных падежей (Бокарев, 1948). Послелогии ингушского нахского языка не просто обозначают параметры размещения основного эгоцентрика парадигмы, эвиденциально очерчиваемые лицом Созерцающим. Содержательно послелогии указывают на направление возможного движения локализовавшегося лица Говорящего (*vs.* другому речевому лицу Произносящему).

Разместившиеся в двух лингвопрагматических установках четыре лица парадигмы, свойственные эргативным языкам, неоднозначно представлены на различных уровнях структуры ингушского языка.

Лица парадигмы данного нахского языка, локализовавшиеся в эссивной точке «а-пространства» как эгоцентрические компоненты семантически отображаются в трех личных местоимениях первого лица ед. числа (инг. *со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'). За каждым из этих лингвоцентрических знаков закреплён отдельный эгоцентрик как семантическая категория. За личным местоимением первого лица ед. ч. в номинативной форме имени *со* 'я' в русской и ингушской лингвопрагматической ситуациях (пример 1 и 3) стоит лицо Говорящее, выступающее в качестве

его лексического значения. За личным местоимением первого лица ед.ч. в эргативной форме имени *аз* 'я' закреплено лицо Произносящее, как лексическое значение другого личного местоимения первого лица.

За личным местоимением первого лица ед.ч. в аффективной форме имени *сона* 'я' закреплено лицо Созерцающее (и/ или Слышащее) в качестве лексического значения этой формы имени.

Аффективные лица (Созерцающее, Слышащее) представляют на глубинном семантическом уровне разных эгоцентриков (т.е. их лексическое значение разное). Эгоцентрическая неоднородность аффективных лиц парадигмы (Созерцающего и Слышащего) не делает их антропоцентрически разными. На глубинном понятийном уровне эти лица экспонируют одного общего антропоцентрика: *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующее-воспринимающего, поэтому в структуре ингушского языка эти два различных эгоцентрика представлены одинаковым языковым знаком (*сона* 'я').

Выводы

Исследованное в статье размещение лиц парадигмы в прототипических лингвопрагматических установках (примеры 1-3) относится к недостающему исходному звену в цепи: локализация-ориентация-перемещение. Характер лингвопрагматической установки номинативного русского и эргативного ингушского языков различный. Ингушская состоит из двух прагматических ситуаций (примеры 1-2), первая из которых классическая номинативная, совпадает с русской:

- 1) лингвоцентрически (*со* 'я'),
- 2) эгоцентрически (лицо Говорящее),
- 3) антропоцентрически (*кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человек разумный).

Вторая установка (пример 2), кодирующая лицо Произносящее (*аз* 'я'), свойственная только языкам эргативной стратегии, экспонирует:

- 1) лингвоцентрически (*аз* 'я'),
- 2) эгоцентрически (лицо Произносящее),
- 3) антропоцентрически (*сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа).

Ядром категории локализации лица в ингушском языке

является лицо Говорящее, которое для того, чтобы сориентироваться и переместиться, должно в начале локализоваться, обозначив лингвоцентрически эссивную точку своего размещения в *a* 'в пространстве'.

Исследование показало, что локализация лиц парадигмы в эссивной точке *a* 'пространства' – это сложный процесс взаимодействия эгоцентриков и антропоцентриков, представляющих различные глубинные уровни (эгоцентрический семантический и понятийный антропоцентрический) эргативного ингушского языка.

Эгоцентрическое лицо Говорящее, локализовавшееся в первой лингвопрагматической установке (пример 1) в точке *a* 'пространства', обнаруживается грамматически выраженным **аффективной** (*сона* 'я') формой имени лицом Созерцающим, выглядывающим из-за кадра речевого лица Говорящего. Лицо Созерцающее представляет мыслительную категорию, кореферентную локализуемому речевому лицу (пример 1), поэтому его позиция закадровая. На понятийном уровне эгоцентрик лицо Говорящее, морфологически выраженный **номинативной** формой имени, представляет антропоцентрика *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумного в языках обеих стратегий (эргативной ингушской и номинативной русской).

Эгоцентрическое лицо Произносящее, морфосинтаксически выраженное в ингушском языке эргативной формой имени, распознается во второй лингвопрагматической установке лицом Слышащим (пример 2), выглядывающим из-за кадра речевого лица Произносящего. Эта установка (пример 2) свойственна только языкам эргативной стратегии.

На глубинном понятийном уровне эгоцентрическое лицо Произносящее представляет антропоцентрика, или логического субъекта *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, без функции которого в принципе невозможен запуск механизма ни речевого, ни закадрового аффективного лица, а значит – и запуск механизма пресуппозитивной локализации лица в самой лингвопрагматической установке (примеры 1-3) в целом.

Оба аффективных эгоцентрика (лицо Слышащее и лицо Созерцающее) функциональных каждый в своей установке (пример 1-2) в закадровой позиции, выражены в ингушском языке

аффективной формой имени (*сона* 'я, мне').

В языках эргативной стратегии (не только для исследованного в данной статье ингушского языка), размещение четырех лиц парадигмы в одной эссивной точке *a*-пространства двух лингвопрагматических установок (примеры 1-2), есть необходимое исходное условие для возникновения и развития ориентационных и двигательных значений.

Кроме того, релевантность исследования прототипической лингвопрагматической установки с точки зрения размещения в ней лиц парадигмы (пример 1-2) заключается в том, что два речевых эгоцентрика (лицо Говорящее и лицо Произносящее), распознаваемых аффективными эгоцентриками (лицом Созерцающим и лицом Слышащим) из своих закадровых позиций, обязательно участвуют в формировании предикации эргативных языков.

Пресуппозитивная прагматическая установка (примеры 1-2) должна быть обнаружена и исследована в каждом естественном языке, так как от характера локализованного лица, за кадром которого стоит одно из аффективных лиц, зависит форма именного компонента предикации номинативного и эргативного языков. Сколько лиц локализуется в пресуппозитивной лингвопрагматической установке (примеры 1-3), столько подлежащих мы обнаружим в составе предложения (номинативного или эргативного).

Сохранность в современном ингушском языке языковых единиц, выделившихся из слов-высказываний предшествовавшего синтетического строя (пример 1-2) в былом виде (слово-предложение 1-3 примеров), обусловлена принципиальной неизменяемостью знаковых компонентов-лексем, организующих структуру сильносинтетического высказывания (пример 1-2).

Отличие прагматической установки номинативного языка от эргативного заключается в одном излишнем таксоне (*в* 'муж.' и *й* 'жен. '), достаточно хорошо описанном в статье «Вербальная презентация прототипического гендерного признака в нахском языке» (2019).

Прагматическая ситуация родственного чеченского языка отличается от ингушской формантом локализации речевого лица. Эгоцентрическое лицо Говорящее (*со* 'я') ингушского языка

локализуется в *a* 'в пространстве', представляющем родовое понятие (инг. *a* 'пространство', или в *a* 'в пространстве'). В чеченской установке речевое лицо Говорящее локализовано в *y* 'тут' (т.е. там, куда можно указать пальцем и увидеть глазом), представляющем видовое понятие от целостного родового (инг. *a* 'пространство', или в *a* 'в пространстве' и *y* 'тут'). Разница в пространственном параметре (примеры 1-2) обусловила и разницу в генерации глаголов бытия ингушского и чеченского языков (инг. *va* 'есть муж.' и *ya* 'есть жен.'; чеч. *vu* 'есть муж', *yu* 'есть жен.'), возникших на основе второго и третьего компонентов структуры прототипической лингвопрагматической установки, в которой локализовались лица парадигмы (примеры 1-2).

Функция эгоцентрических компонентов парадигмы лица (речевых и аффективных) является одним из основных показателей разрушения в доисторические времена синтетического строя ингушского языка, который непременно должен был «рассыпаться» (генерировать) на диалекты в период экстрадиции в стадию эргативности.

С этой точки зрения интерес представляют современные синтетические языки Северного Кавказа, в языке-основе которых, если он естественный, обязательно должна быть обнаружена прототипическая лингвопрагматическая ситуация, подобная ингушской, локализующей эгоцентрическое лицо (лица) парадигмы.

В перспективе схожие отношения локализации лиц парадигмы ожидается увидеть и в других эргативных языках, в которых функциональна парадигма лица.

В нахско-дагестанских языках (языках одной с ингушским языком семьи) обнаружение и интерпретация прототипической прагматической ситуации поможет указать на язык-основу, т.е. на диахронически автономно сложившийся естественный язык, который, на наш взгляд, будучи синтетическим, «рассыпался» на различные диалекты еще до первого века нашей эры, обособив нахские и другие языки в отдельные группы (ветки) общего генеалогического древа.

На базе отдельных диалектов «рассыпавшегося» сильносинтетического языка-основы ожидаемо возникновение различных письменных языков Северного Кавказа. Исследование

различных уровней структуры таких языков должно выявить пласт синтетизмов, среди которых и следует обнаружить и интерпретировать прототипическую лингвопрагматическую ситуацию, в которой локализовалось расслоено (шифтерно) представленное лицо парадигмы эргативных языков.

Категория локализации, таким образом, непосредственно связана с генерацией глагола бытия и оформлением предикации эргативного предложения. Языком-основой нахских языков является тот язык, который локализует расслоенно представленное лицо парадигмы (Говорящее, распознаваемое Созерцающим и Произносящее, узнаваемое Слышащим) в прототипической прагматической установке (примеры 1-2), каждое из которых, претендует на статус первого лица и позицию подлежащего в составе предложения.

Литература

1. Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. – Т.ХІ. – М. – Л., 1948. – С. 56-67.
2. Гудава Т. До и после Библии. Шузеро-русский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html/>
3. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. Сборник статей памяти профессора П. Кузнецова. – М.: МГУ. – Вып. 4. – 1970. – С. 110-156.
4. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). Издание 4-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2005.
5. Климов Г.А. К происхождению эргативной конструкции предложения // Вопросы языкознания. –М.: Изд. «Наука». 1974.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978.
7. Падучева Е.В. Наблюдатель как экспериент «за кадром». Материалы для проекта корпусного описания русской

- грамматики [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/paducheva/> (Дата обращения 28.10.2021).
8. Падучева Е.В. Эгоцентрические языковые единицы. Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – М. 2017.– Режим доступа http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы/ (Дата обращения 28.10.2021).
 9. Плунгян В.А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999.
 10. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
 11. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Морфология. – Deutschland. Verlag «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2012.
 12. Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точек зрения // Материалы XXXII Международной научной конференции: Эффективные исследования современности. Евразийское научное объединение. – Часть 2. – № 10 (32). – М., 2017. – С. 136-142.
 13. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань.: ООО «Кеп». 2017. – 376 с.
 14. Тариева Л.У. Константные признаки языков эргативного строя // American Scientific Journal № (41) / 2020. VOL. 1. – С. 11-18.
 15. Тариева Л.У. Очерки для этимологического словаря ингушского языка. Т.1. – Ростов на Дону, 2020.
 16. Тариева Л.У. Расширенный фрейм интенции аффективного эгоцентрика в эргативном языке // Евразийское научное объединение. Современные концепции научных исследований. 72-ая международная научная конференция. – М., 2021, Часть 5. № 2 (72). – С. 356-362.
 17. Тестелец Я.Г. Именные локативные формы в дагестанских языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <https://www.academia.edu/38062326/> (Дата обращения 28.10.2021).

18. Филлимор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
19. Яковлев Н.Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. Под ред. М.Е. Алексеева. – М.: АCADEMIA. 2000.

References

- Bokarev, E.A. (1948). *Lokativnye i nelokativnye znacheniya mestnyh padezhej v dagestanskih yazykah* [Locative and non-locative meanings of local cases in Dagestan languages]. In *Language and thinking*, XI, 56-67.
- Gudava, T. (2021). *Do i posle Biblii. SHumero-russkij slovar'*. [Before and after the Bible. Sumerian-Russian dictionary]. Retrieved from: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html/>
- Kibrik, A.E. (1970). *K tipologii prostranstvennyh znachenij (na materiale padezhnyh sistem dagestanskih yazykov) // Yazyk i chelovek* [On the typology of spatial meanings (based on the case systems of the Dagestan languages). In *Language and man. Collection of articles in memory of Professor P. Kuznetsov*, 4, 110-156.
- Kibrik, A.E. (2005). *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specificheskoe v yazyke)*. [Essays on general and applied problems of linguistics (universal, typical and specific in language)]. M.: KomKniga.
- Klimov, G.A. (1974). *K proiskhozhdeniyu ergativnoj konstrukcii predlozheniya* [On the origin of the ergative sentence construction]. *Voprosy Yazykoznanija*. M.: Ed. "The science".
- Lyons, J. (1978). *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. M.: Progress
- Paducheva, E.V. (2000). *Nablyudatel' kak eksperient «za kadrom»*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki*. [The observer as an "off-screen" experiment. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar]. Retrieved from: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/paducheva/>
- Paducheva, E.V. (2017). *Egocentricheskie yazykovye edinicy. Russkaya korpusnaya grammatika*. [Egocentric language units. Russian corpus grammar]. Retrieved from http://rusgram.ru/Egocentric_language_units/

- Plungyan, V.A. (1999). *K tipologii glagol'noj orientacii* [On the typology of verbal orientation]. Logical analysis of language. Dubna.
- Plungyan, V.A. (2010). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problematic]. M.: Book House "Librokom"
- Tarieva, L.U. (2012). *Narechie v ingushskom yazyke. Morfologiya*. [Ingush adverb. Morphology]. Verlag "LAPLAMBERT Academic Publishing".
- Tarieva, L.U. (2017). *Lica paradigmy s glubinnoj i poverhnostnoj toчек zreniya* [Faces of the paradigm from deep and superficial points of view]. In *Materialy XXXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Effektivnye issledovaniya sovremennosti*, (pp. 136-142) Part 2. No. 10 (32). Eurasian Scientific Association. M.
- Tarieva, L.U. (2017). *Rechevye komponenty paradigmy lica v yazykah ergativnogo stroya*. [Speech components of the facial paradigm in languages of the ergative structure]. Nazran : OOO Kep.
- Tarieva, L.U. (2020). *Konstantnye priznaki yazykov ergativnogo stroya*. [Constant signs of languages of the ergative structure]. *American Scientific Journal*, 3, 59-70.
- Tarieva, L.U. (2020). *Ocherki dlya etimologicheskogo slovarya ingushskogo yazyka*. [Essays for the etymological dictionary of the Ingush language]. Rostov on Don.
- Tarieva, L.U. (2021). *Rasshirennyj frejm intencii affektivnogo egocentrika v ergativnom yazyke* [Extended frame of the intention of an affective egocentric in an ergative language]. *Modern concepts of scientific research. 72nd International Scientific Conference*, 5, 2(72), 356-362.
- Testelets, Ya.G. *Imennye lokativnye formy v dagestanskih yazykah* [Nominal locative forms in Dagestan languages]. Retrieved from: <https://www.academia.edu/38062326/> (accessed 10.28.2021)
- Fillmore, Ch. (1981). *Delo o padezhe* [The case of the case]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, X.
- Yakovlev, N.F. (2000). *Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka*. [Syntax of the Ingush literary language]. M.: ACADEMIA.